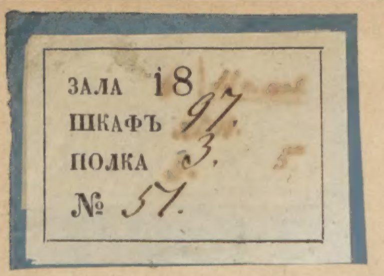

ЗАЛА i8
ШКАФЪ 97.
ПОЛКА 3.
№ 57.

БЛАЖЕННЫЙ ДЕНЬ,

ПОСЛАНІЕ

КЪ

МОЕМУ ДРУГУ.

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи,

у В. Окорокова,

1790.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу подъ заглавіемъ: Блаженный День, Посланіе къ моему Другу, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ, Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ и Кавалеръ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ЕГО

ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ГЕНЕРАЛЪ-ПОРУТЧИКУ,

Орденовъ Святаго Александра Невскаго и Святыя Анны

КАВАЛЕРУ,

МИХАЙЛУ ЛЬВОВИЧУ

ИЗМАЙЛОВУ,

Милостивому Государю.

2

Милостивый Государь!

Въ засвидѣтельствованіе моей всеусердной преданности къ Вашему Высокопревосходительству за оказываемое мнѣ благоволеніе и во уваженіе душевныхъ Вашихъ дарованій и любви къ чтенію книгъ, раз-

судилось мнѣ приписать имени Вашему книжку сію давнишняго моего перевода съ Французскихъ стиховъ подъ заглавіемъ: *Блаженный День*, *Посланіе къ моему Другу*. Примите, Ваше Высокопревосходи-

тель-

тельство! сїе опытомЪ истин-
ной моей кЪ ВамЪ привержен-
ности, и удостойте меня про-
долженїемЪ такого же благо-
воленїя, каковымЪ я донынѢ
пользовался; а я сЪ чувстви-
тельною моею признательно-

 стїю

стію и совершеннымѣ почте-
ніемѣ за честь себѢ постав-
ляю всегда быть,

Милостивый Государь!

Вашего
Высокопревосходительства

всепокорнѢйшій слуга
Иванѣ Кудрявцовѣ.

СОДЕРЖАНІЕ

ДРУЖЕСКАГО ПОСЛАНІЯ.

Вдали зрится отдаленная рощица; спереди подъ сѣнію двухъ вязовыхъ деревъ, ветвями своими вмѣстѣ сплетшихся, уставленъ жертвенникъ дружества, свитый пальмовыми отраслями и виноградными лозами; на жертвенникѣ горитъ небольшее и тихое пламя: подобіе чувства спокойнаго и продолжительнаго; на боку жертвенника начертаны буквы, составляющія имена двухъ друзей.

Изображаются два друга, изъ которыхъ сельской обитатель препровождаетъ градскаго въ домъ его, указываетъ ему заходящее солнце и произноситъ изреченіе: спокойнымъ окомъ безъ жалѣнья можемъ мы

зрѣть истекающій день, въ который мы добродѣтели ничѣмъ не оскорбили.

Представляется на разсвѣтѣ дня выходящій изъ хижины [illegible]дневный старикъ, который тщательно обозрѣвая дѣйствіе протекшія ночи на поляхъ его, съ веселіемъ пересчитываетъ гроздія плодоноснаго древа, имъ насажденнаго.

Наконецъ, поле розъ и тернія: изображеніе житія человѣческаго. На поверхности земнаго шара и при ясномъ небѣ зрится скрывающееся солнце: подобіе праведнаго при послѣднемъ часѣ дней его.

БЛАЖЕННЫЙ ДЕНЬ,

ПОСЛАНІЕ

КЪ МОЕМУ ДРУГУ.

Приди, любезный другъ! приди и посѣти жилище сіе, градскаго шума изъятое, и обманчивыхъ онаго призраковъ отчужденное; приди вкусить со мною сладостей мирныя и восхитительныя тишины. Ты вѣдаешь, можно ли то чтить блаженствомъ, когда душа, покоящаяся въ нѣдрахъ мудрости, зритъ себя избавленною стыда и заблужденія; во уединеніи токмо совлекаетъ съ себя смертный ничтожества завѣ-

вѣсу; вникаетъ въ прелести и предается чувствованію. Истинна стенаетъ, удаляется градскихъ позлащенныхъ чертоговъ и ищетъ убѣжища себѣ въ безмолвіи полей нашихъ. Вѣщай мнѣ: какимъ толь сильнымъ дѣйствіемъ вдругъ возвышающійся духъ мой дивится своему разуму и ощущаетъ въ себѣ новыя чувства? Не возвращеніе ли пріятныя весны, или страна, мною обитаемая, расширяютъ тѣсные предѣлы удрученныхъ силъ разума моего? Во смятенныхъ преградахъ вашихъ едва могъ бы я имѣть дыханіе. Тамъ всюду срѣталися взору моему невольничество и принужденіе. Возможно ли постигнуть истинну сквозь сѣнь густую и при неясномъ свѣтѣ, которой почиталъ я свѣтомъ прямымъ?

Окру-

Окруженный невѣденіемъ и ложными мечтами, усыпленный праздностію, всегда заблуждалъ я въ суетныхъ привидѣніяхъ. Повѣдаю я тебѣ, о мой другъ! о тѣхъ злополучныхъ временахъ нашего вѣка, въ которыя душа почти отравленна живетъ, токмо не прямо мыслитъ. Ударъ бурный и свирѣпый, наносимый страстьми сердцу, съ природы нѣжному и чувствительному, производитъ, что такое сердце исполнено ощущанія, колеблемо, непостоянно и неограниченно, не рѣдко обманывается само собою и бываетъ игралищемъ случая. Сіи мучительства высокомѣрія, сіи разслабленія нѣжности, сіи чрезвычайности любви, утѣхи, мудрости и раскаянія: радость простирается до упокоенія, прискорбіе до угнѣтенія,

а скука, сей бичь жестокій, сіе чудовище, рожденное отъ нѣги, коея дыханіе, попаляя все, изливаетъ зеліе на цвѣтъ юности нашей. Въ такомъ состояніи смертный ощущаетъ позоръ душѣ своей. Безъ напряженія и безъ жару посрамленный, тоскливый и унылый, чувствуетъ, что во внутренности его заглаждаются черты и самыя добродѣтели. . . Но почто мнѣ описывать тебѣ сію смѣсь злоключеній и невѣденія, въ которыхъ нещастное существо наше плаваетъ? Небо даровало намъ различныя сердца. Увы смертный! ты долженъ знать себя: приди на помощь мнѣ противъ меня самаго. Возможетъ ли что произвести раскаяніе о слабостяхъ, и отвратить о всемъ легкомысліе безъ спасительнаго при-

мѣра и въ отлученіи благонадежныхъ нѣдръ друга? Скудельная лоза, подверженная вѣтдру, безъ подпоры и безъ защиты напрасно бы разширяла корень свой, и только бы стенала въ нашихъ нивахъ, но съ помощію вяза висятъ зеленѣющіяся ея лѣторасли, всякое стремленіе непогоды противъ него безуспѣшно. Два древа всегда дружбу хранящія, будучи сопряжены взаимною склонностію и сосѣдствомъ, противятся соединенными вѣтьми своими непрестаннымъ порывамъ бури.

Въ то время, какъ чувства твои, бытіемъ своимъ скучающія, въ нѣжномъ усыпленіи покоятся, да можетъ статься и безъ всякой нужды, помрачается уже въ прохлажденныхъ поляхъ нашихъ медленность ночи, и кажется, съ

жа-

жалѣніемъ уступаетъ мѣсто свое настоящему дню. Зракъ мой прежде твоего наслаждается свѣтозарностію сіянія, украшающаго тверді небесную; духъ мой воспаляется лучами проявляющагося солнца; и когда естество начинаетъ паки теченіе свое, ты, другъ мой! покоишься еще, а я уже съ веселіемъ тружуся. Оставь одръ, разслабляющій тебя; приди раздѣлить со мною дневныя упражненія: да представлю я изумленной душѣ твоей образъ прямаго благополучія.

Воззри на сего нагбеннаго старца близь уединенныя его хижины, бодрственно воставшаго съ простаго одра своего, для наблюденія разцвѣтающихъ прорастеній, и для напитанія себя прохладностію ночи и дыханіемъ денницы; примѣть про-

просвѣщающееся чело его отъ пріятнѣйшихъ утѣхъ невинности. Овощъ его становится и зеленѣе и гуще; хлѣбъ, въ полѣ стоящій, обѣщаваетъ большее многоплодіе; а древо сіе изображаетъ обильныя гроздія. . .
Конечно блаженъ онъ въ неимуществѣ своемъ. Не зря ничего-болѣе ни предъ собою, ни кругъ себя, не думаетъ, что есть на свѣтѣ сокровища превосходнѣе, и такъ живетъ онъ ни о чемъ не жалѣя.

Приди разсмотрѣть луга сіи, гдѣ естество, облекшееся паки во младость, на одрѣ благоуханіями окропленномъ, украшается зеленью и цвѣтами. Плѣняяся доднесь толь прелестнымъ изображеніемъ слабый умъ мой, зритъ токмо мягкую мураву, произведеніе

утра, орошаемое влагою авроры, и кое солнце по возвращенiи своемъ тотчасъ оживляя, украшаетъ лучезарностiю дневнаго свѣтила. Но все во время ночи изшедшее подлежитъ перемѣнѣ: лилея сiя, вчерась родившаяся днемъ, увядаетъ; дернъ сей, едва появившiйся изъ земли, осѣняетъ кругъ себя; сiи гроздiя изтлѣвшiя прежде разцвѣтанiя; сiя роза, увядшая во всей красотѣ своей, не узрятъ уже другiя денницы; также и по сторону здѣсь растущiя отъ паденiя своего равно тлѣнъи плодородiе сообщаютъ полямъ нашимъ. И такъ не восхищаетъ ли взоръ мудраго блюстителя образъ свѣта, пребыванiе временности, мечтанiя и злополучiя? Въ сихъ веселыхъ кустарникахъ, гдѣ чувства наши

ши наслаждаются токмо утѣхами едиными, и самыя забавы, все преподаетъ науку мудрому.

Примѣть внизу оныхъ бреговъ прокопъ: почти совсѣмъ недвижимая прозрачная вода его течетъ безъ журчанія и безъ волнъ. Нѣсколько подалѣе зри сей родникъ, біющій съ горъ свирѣпо, быстро и пѣнисто, который наноситъ страхъ полямъ нашимъ. Безъ оплота, безъ предѣловъ и безъ току волненіе его въ внезапной ярости своей мѣшается съ тиною и пескомъ, и обманывая не рѣдко зракъ, на нихъ устремленный, уступаетъ быстринѣ, ихъ влекущей. Изъ одного, другъ любезный! познавай благополучную тишину мудраго, обитаю-

ющаго на лонѢ добродѢтели, избавленнаго смущенія и безгодія; а изъ другаго, что бурный приливъ безпокойныя и тревожныя души, которая въ жестокомъ смятеніи, страстьми обуреваема, служитъ игралищемъ всѢхъ ея желаній.

О другъ мой! какое зрѢлище поражаетъ насъ! о утро! день вождѢлѢнный! чудо, раждающееся предъ очами нашими, и коего мы толь часто лишаемъ себя самопроизвольно! какая десница провождаетъ свѢтило сіе! Зри, какъ оно, облегчая твердь, отводитъ блѢдные лучи его и готовитъ ему сладкое пробужденіе. Простри взоръ свой сюда вдаль, гдѢ зракъ теряется, будучи омраченъ тысячью отсвѢтовъ. Сіе естество дивное, хотя и всегда повторяется;

сіи

сіи небеса и пространная тихость оныхъ: войди въ самаго себя, удивляйся и помышляй . . . — Увы! кто бы не изумился, представя себѣ неодушевленное созданіе, коего нечувствительное и изтлѣвшее серце ничемъ не прельщается? сего сребролюбца, котораго духъ, избыткомъ зараженный, не имѣетъ ни страстей, ни ревній; сего жизнію скучающаго остроума; а больше сего нещастнаго, который отъ бремени злоключеній своихъ снѣдаяся отчаяніемъ, не думаетъ уже по предположенію. Они возчувствуютъ, что очи ихъ открываются нѣкою волшебною силою, а души ихъ разверзаются къ наслажденію вожделѣннымъ дыханіемъ существа.

Духъ мой питается здѣсь миролюбіемъ и со тщаніемъ стремится къ достиженію разныхъ предметовъ подъ надежнымъ видомъ. Какъ кажется мнѣ сей неизмѣримый шаръ вселенной? Чудомъ для ума моего, но бездѣлкою для Сотворшаго оный, и опытъ непреложный Его всемогущества. Какъ понимаю я щастіе твое и благодѣтельства онаго? Обманчивымъ блескомъ, помрачающимся смертію. Что для меня градъ вашъ великолѣпный и огромныя его зданія? Въ несмѣтномъ пространствѣ, обиталище скуки, злодѣйствъ, заблужденій и скорбей ... Увы! толь пагубныя ловитвы невѣдомы въ убогой хижинѣ. Что же наконецъ человѣкъ есть? Слабое бреніе, нещастное маловременное

ное созданіе, можетъ быть изъ всѣхъ лучшее; но сказать сіе развѣ въ то время, когда хранитъ онъ добродѣтель и не посрамляетъ существа своего пороками. Обтеку мыслями сію поверхность земнаго круга, и почитая пребываніе мое на краю вселенныя, реку самъ къ себѣ: разумъ мой обращается въ тѣсныхъ предѣлахъ; и конечно понятіе смертнаго безсильно проникнуть во глубину Природы. О вещахъ, далеко отъ него отстоящихъ, судитъ онъ по единымъ токмо догадкамъ. Поселяне дебри сей, отъ солнечнаго зноя загорѣвшіе, гдѣ, какъ повѣствуютъ, денница восходитъ и громада свѣта оканчавается, зрятъ еще другую твердь.

Простру ли взоръ мой къ небесамъ? вижу тамъ сіе вѣчности благоустройство, сіе предивное согласіе во всякомъ возрастѣ, по всѣмъ странамъ, всегда одинаково и никогда ничѣмъ неразрушаемо: все подтверждаетъ мнѣ, что есть Всевышній. Какого же Онъ существа? гдѣ Его пребываніе? какъ возможно Его постигнуть? къ чему распростерта завѣса сія предъ очами моими; сіе небо существующее между престоломъ Его и мною? Опомнися, о человѣкъ! - - - Онъ Господь твой; твоего ли ума дѣло образовать Его? воззри, другъ любезный! на сіе огневидное свѣтило: вдругъ потупитъ оно въ землю помраченные очи твои; но осіянъ преломленіемъ лучей его, разсуди

о полукружіи ономѣ; и когда день сей его благодѣтельство: то какѣ сомнѣваться о Его свѣтѣ. О коль предивная задача, душа моя вѣ пареніи своемі! вина подвижности ея скрывается отѣ меня самаго! обильный источникѣ сластолюбія! ненадежный и ломкій кристаль, гдѣ по ряду заблужденіе сѣ истинною начертаются и изчезаютѣ. Дыханіе, чистое! отглашеніе чувствѣ моихѣ! небесный и свѣтозарный фосфорѣ (*). Зрю, размышляю и чувствую тебя, но все не престаю искать, и не постигаю,

(*) Такѣ называютѣ все, что незажженое горитѣ, или свѣтится: какѣто, гнилое дерево, волосы жесткіе, когда ихѣ гладятѣ, червяки и прочее тому подобное.

гаю; вѣщай мнѣ, любезный другъ! свое мнѣніе: какимъ сокровеннымъ вліяніемъ зримое нами: обширность, предметы, мѣста и самая малая тѣнь, производимая симъ воздуха полушаромъ, дѣйствуютъ надъ умомъ нашимъ. Какъ воздухъ облекаютъ тьмою шумящія облака неба: такъ равно и разумъ мой покрывается невѣденіемъ; и какъ солнце изтребляетъ бурю, такъ и разумъ мой проницаетъ во мракъ и очищается. Страстное любопытство влечетъ меня на сіи холмы; оттуда обозрѣваю я всѣ окрестности наши; душа моя дѣйствуетъ тѣмъ наиболѣе. Кажется, какъ отдѣленный отъ земли и вознесенный надъ шаромъ, по коему пресмыкаюся, отхожу я къ бо-

же-

жеству; углубленный въ мысляхъ, остановляюся тамъ на брегу журчащихъ источниковъ. Непостоянный шумъ стремленія ихъ теряется въ долу; быстрый и извивающійся токъ оныхъ влечетъ за собою и разумъ мой. Слѣдуя имъ, плаваетъ онъ, заблуждаетъ и премѣняется: каждую минуту становится своенравнѣе, пріемлетъ на себя новый видъ, то подобясь сей ласточкѣ, которая парханіемъ отъ взора нашего скрывается, и какъ измѣряетъ скорымъ и легкимъ своимъ полетомъ землю, то равняяся тому гордому орлу, дерзостію на высоту парящему, и небесъ досязающему. Часто въ густыхъ кустарникахъ по пустынной излучистой стези, отъ дневнаго зноя ища отдохновенія и прохлады, соплетаю

я

я предъ собою тихое листвіе древесъ; но поможетъ ли что густая тѣнь противо пламени нѣжныя любви? Глубокое и чувствительное молчаніе неизмѣримыхъ сихъ дебрій, день проницающій иногда свѣтомъ своимъ густоту рощицы, и позлащающій подошву ея; зефиръ забавляющійся тихимъ дуновеніемъ въ вѣтви и листвія производитъ свистъ пріятный; сія мурава, свѣжая и цвѣтущая; сіи птицы, воспѣвающія веселія свои, все раждаетъ безвѣстную смѣсь утѣхъ въ смущенной душѣ моей. О дивное ума изступленіе, въ коемъ духъ мой обращается мыслями, возносится и чувствуетъ огнь любовный! Любовь! тебя я ощущаю, тебя зрю, тебя . . . но только не такою, какъ во градахъ и се-

captionлахъ тебя изображаютъ. Тамъ описываютъ тебя дитятемъ, лишеннымъ зрѣнія, влекущимъ по себѣ пламя, раздоръ и брани; дитятемъ лукавымъ и своевольнымъ, увѣнчаннымъ розами и терніемъ, терзающимъ всѣхъ забавою своею, ліющимъ подъ видомъ благополучія льстивою и измѣнчивою рукою въ сердца горесть, печали и разсудка усыпленіе, единою чрезмѣрностію гнѣва своего означающимъ могущество безсмертнаго, и возжигая пламя во вселенной смѣющимся на дѣла свои для всѣхъ плачевныя. Представляю я тебя себѣ существомъ благотворнымъ, тихимъ, мирнымъ и утѣшительнымъ, чадомъ Неба и Природы. Зрю, что пламя твое живое и чистое, объемля человѣка, его ис-

исправляетъ, и укрощая злонравіе невѣжды, горитъ въ душѣ мудраго, не возвращая и не сокрушая оныя. Любовь цѣломудренная, существо неистлѣваемое! тебя я чту низшедшею съ небесъ въ подкрѣпленіе невинности; ты сотворила человѣка столь благополучнымъ, колико онъ добродѣтеленъ былъ; но роскоши его и непостоянство принудили тебя отлетѣть паки въ небеса. Оттуда взирая на него, смѣешься ты безумнымъ его почестямъ, суевѣрному служенію, которое онъ въ образѣ твоемъ неистовому божеству оказываетъ; а есть ли иногда являешься ты на земли, то развѣ въ хижинѣ мудраго, въ пустыняхъ среди темныхъ лѣсовъ, или въ заблужденіяхъ суетнаго при-

видѣнія. Продли, любовь, сладкую мечту сію! да обновляется непрестанно тѣнь твоя предъ очами моими, да водворится она нѣкогда подъ убогою кровлею моею и тѣмъ меня да осчастливитъ! Оставимъ лестивый призракъ сей, удалимся весьма обманчиваго упоенія онаго. Другъ любезный! изтекаетъ часъ, минуется день; уже радостный земледѣлецъ, измѣряя высоту солнца, къ западу склоняющагося, отпрягаетъ плугъ свой и отходитъ къ покою; уже гласъ свирѣлей, раздающійся въ хижинахъ ихъ, созываетъ многочисленныя стада подъ ихъ кровы! Воззри на сіе блаженное общество жнецовъ, подъ густою сѣнію листвіевъ покоющихся: они утруждены дневными упражне-

женіями; но чего недостаетЪ однако сердцамЪ ихЪ? Благонравны по природѢ и привычкѢ, безЪ самолюбія, безЪ угрызенія совѢсти, безЪ сихЪ смутныхЪ восхищеній, бываемыхЪ слѢдствіями безпокойствЪ, не чувствуютЪ они инаго зла, кромѢ того, которое другимЪ сдѢлать опасаются. Душа ихЪ подобна чистѢйшей водѢ, коея ясности никто возмутить не можетЪ.

О ты, которому весь мірЪ толико жертвуетЪ, наслажденіе вожделѢнное! ты ужасаешься всякой неблагопріятности, всякой роскоши, дыханіемЪ своимЪ заражающей; всякаго горестнаго великолѢпія, чего злый приискиваетЪ всуе,

и

и что мудрому само срѣтается. Ты предпочитаешь блеску разума мнимыя чувствованія душевныя, хижинѣ неимущаго разположенной въ густой тѣни, величественный покровъ престола. Ты, увѣнчанное иногда миртою, а чаще простымъ колосомъ, удовольствіе! ты, которое часто токмо являть тщатся, кое нѣкогда вкушать я щастіе имѣлъ, и котораго я однакожъ изобразить не научился, не тамо ли убѣжище твое? все представляетъ здѣсь образъ твой. Простая и шуточная забава мѣшается тутъ съ прохладами любви; *Коленъ* въ нѣдра *Колетты* уклоняетъ нѣжно главу свою; восхитительный, но и опасный покой сей раждаетъ мятежъ въ его

 серд-

сердцѣ. Единый взоръ возлюбленныя ничтожитъ всѣ прежнія его бѣдствія, творитъ его болѣе страстнымъ и ободряетъ духъ его. *Колетта* въ безмолвіи изпускаетъ вздохи: но вздохи сіи нѣжные и скромные, дѣйствіе слабой невинности, посреди молчанія изъясняютъ тайну ея лучше всякаго краснорѣчія нашего; зракъ ея дышетъ утѣхою, утѣхою, которыя она жаждетъ, но вкусить не дерзаетъ. Уста ея, на коихъ желаніе написано, можетъ быть и не вѣдаютъ сего названія. - *Ириса* гораздо живѣе; или не столько чувствительна, какъ первая разбужаетъ *Любеня* и съ нимъ заигрываетъ: потомъ легкимъ бѣгомъ, не оставляющимъ по себѣ и

слѣ-

слѣдовъ, уходитъ въ ближніе кустарники. Настанетъ тотъ день, въ который она не столь рѣзва будетъ; и когда стези ея, удаляясь *Любеня*, будутъ медлительнѣе: *Бауциса*, съ благополучнымъ филемономъ очами, сластолюбіемъ горящими, съ веселіемъ взираютъ на щастливую семью свою, возрастающую подобно жатвѣ ихъ, не опасаяся бѣдности. Наслѣдственная добродѣтельоныхъ простирается въ роды ихъ. Правители земные! такое имущество не стоитъ ли наслѣдія вашего? можно ли считать скуднымъ мудростію обогащеннаго? Зри, любезный другъ! сей пляшущій караводъ: радость на лицахъ ихъ начертанна; когда ласкательная *Лиза*, наливая свѣжее и сладкое питье, подкрѣпляетъ

ляетъ изнеможеныхъ и ликованіемъ веселыхъ пѣсней удерживаетъ томныя ихъ зѣницы отъ прелестей сна. Пріятное и сластолюбивое зрѣлище! вѣкъ древній, вѣкъ златый! вѣкъ блаженный! который во градахъ баснею считаютъ. Такъ-то обновляешься ты для мудраго! Напрасно злоязычникъ къ извиненію своего сердца силится увѣрять, что все въ худо премѣнилось, и что непорочность есть едино пустомысліе. Оплачемъ его заблужденіе. Увы! возможетъ ли онъ цѣнить тѣ чувства, коихъ въ немъ нѣтъ? Се крайность нечестія не вѣрить, что добродѣтель существуетъ.

Возпользуемся послѣдними часами насъ освѣщающей денни-

ницы; и когда направимъ тихіе слѣды наши къ жилищу своему: въ то время помыслимъ о премѣнномъ цвѣтѣ сіянія, поверьхность земнаго шара омрачающаго; о стезѣ солнца впечатлѣнной во мракѣ нощи; о семъ небесномъ свѣтилѣ, зримомъ на краю полушара вселенныя, которое кажется возпаляетъ паки огнь свой; о семъ величественномъ различіи тьмы со свѣтомъ - - - спокойнымъ окомъ безъ жалѣнья можемъ мы зрѣть истекающій день, день, въ который мы добродѣтели ничемъ не оскорбили. Все уже совершилось, другъ любезный! предметы скрываются отъ взора нашего; низпустившаяся на поля наши нощь покрыла темными своими завѣсами убогія хижины и по-

злащенные чертоги безЪ разбору; при непостоянномЪ сіяніи звѢздЪ пронырство и подозрѢнія ревнивыя, любовь робкая и нѢжная, утѢхи прямыя и скромныя, затмѢваемыя дневнымЪ свѢтомЪ, преступленіе и пагубныя онаго усилія, ободряемыя мракомЪ нощи; недовѢрчивость и таинство колеблемымЪ и трепетнымЪ шагомЪ разсѢялись по лицу земли; все вдается сну, кромѢ преступника, во время его дѢйствія, или стремящагося кЪ оному, и любовника восхищеннаго своимЪ предметомЪ, жаждущаго, ожидающаго или наслаждающагося; и мудраго разсуждающаго и предающагося движеніямЪ души своей. — ОдинЪ бдя соплетаетЪ вредный ковЪ; другой, нѢжнымЪ пламенемЪ сгарая, вЪ не-

нетерпѣніи ждетъ, или вкушаетъ прохлады съ возлюбленною своею; но мудрый токмо одинъ углубляется въ размышленіяхъ, чѣмъ душа его возносится.

Въ то время, какъ невнятный и отдаленный шумъ сей; сей колеблющійся и мрачный огнь, сіи печальные звуки металла, дрожащаго среди тьмы, знаменующія чью либо смерть, или житіе: все сіе показываетъ приближеніе къ какому либо большому граду, направляетъ заблуждающія стопы твои ко стѣнамъ града: сія прелестная и спокойная тишина принадлежитъ токмо сельской жизни. Уединенный свѣтъ сей, мгновенно возгарающійся и погасающій; дымъ густый и

тонкій, покрывающій зыблющимися облаками благополучный верьхъ хижины сея; сія горлица недремлющая, прежде подругъ своихъ отъ любви проснувшаяяся, и въ густотѣ древесныхъ листвіевъ воздыхающая, показываетъ мнѣ мѣсто моего уединенія. Тамъ то сонъ сладкій щедрою рукою разсыпаетъ дремоту. Часто пріятные кустарники кажутся на завѣсахъ моихъ, и я обьемлюсь тогда сномъ мудраго, симъ покойнымъ и ничѣмъ ненарушаемымъ сномъ. Наконецъ, другъ любезный! доволенъ будучи собою, ожидаю я возвращенія денницы. Ахъ! достигши напутія добродѣтели, и имѣя средство слѣдовать онымъ, чего мнѣ болѣе желать остается? Да будутъ,

другъ

другъ мой! вскорѣ чувства мои, горящія самымъ тихимъ пламенемъ, послушными токмо сподвижниками душѣ моей; существу нетлѣнному, сему существу, которое въ неколеблемости своей не причастно ни упоенію, ни тоскливости. да предшествуютъ они блаженству величественными и вольными стопами въ приближающейся старости моей; да предастся непорочная и обновленная душа моя въ сей веселой пустынѣ чувствованіямъ взаимности вѣрнаго друга, коего духъ разпаляется еще жаромъ страстей (пріятно зрѣть послѣ непогоды молнію въ облакахъ, блестящими лучами разливающуюся); женщина, въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ сущая, которой утѣшительныя и цѣло-

 му-

мудренныя нѣдра да послужатъ добродѣтели моей прибѣжищемъ; сожитіе такой женщины, которая не столь жива, какъ чувствительна, искусна безъ ученія, прозорлива безъ лукавства, и болѣе мила, нежели прелестна: женщина, которой на вѣрное и нѣжное сердце душа моя безопасно положиться и успокоиться можетъ, которой добронравіе подобно благоуханію розы, отъ сіянія утреннихъ лучей разцвѣтающей; да примѣшаетъ своенравное щастіе къ толь прямому благополучію въ полезное наученіе нѣсколько минутъ своихъ негодованій: такъ какъ солнце, надъ главами нашими свѣтящее, иногда горячность жара прохлажденіемъ умѣряетъ; да проліютъ очи

мои еще слезы, отраду сердца нѣжнаго, и таинственною тишиною наполненнаго; слезы пріятныя, проливаемыя мудрымъ къ облегченію судьбы нещастныхъ въ тѣхъ заключеніяхъ, которымъ онъ ни мало не причастенъ; да возмогу я въ сладкомъ молчаніи, предавшися совсѣмъ благотворенію, чуждый всякія злобы и зависти, дѣлать доброе, не льстяся воздаяніемъ за то, по склонности сердца моего убѣгать порока, имѣть судіею дѣлъ моихъ и поступокъ свою совѣсть, забавою свою должность, веселиться съ благоразуміемъ, быть важну безъ нелюдимства, соболѣзновать о бѣдствіяхъ земнородныхъ, молить Небо о благоденствіи моего отечества; пещися о жребіи его, ожидать

дать конца временности моей, не страшася онаго, и на пришествіе его не жаловаться: напослѣдокъ заключу теченіе моея жизни безъ раскаянія и смущенія, подобяся прекрасному среди лѣта солнцу, величественнымъ видомъ въ безоблачномъ небесномъ кругѣ имерцающему.

Конецъ.

